

Таясия Горох

*«Что пройдёт,
то будет мило»*

Татьяна Горох

*«Что пройдёт,
то будет мило»*

Торжок

2021

Горох Таисия Владимировна

«Что пройдет, то будет мило». – Торжок: МБУК «Торжокская ЦБС».- 2021. – 44 с.

Таисия Владимировна Горох заведовала музеем А.С. Пушкина в Торжке в 1976 – 2004 гг.

К 30-летию музея вышел составленный ею сборник «Пушкин и Торжок» (2002), рассказывающий об истории создания музея, его экспозиции, исследовательской и научно-просветительской работе, о дорогах в жизни и творчестве А.С. Пушкина, его приездах на тверскую землю и встречах с друзьями и знакомыми.

«Записки заведующей музеем А.С. Пушкина в Торжке» (2007) – это воспоминания о преодолении технических трудностей содержания музея и освоении музейного дела, о сотрудничестве с творческими людьми и музейными работниками из разных городов, о занятиях с детьми, формирующих историческое сознание, благодаря которым музей стал ещё больше известен в стране.

К 85-летию Таисии Владимировны Центральная межпоселенческая библиотека выпустила издание «От вас беру воспоминанье, а сердце оставляю вам...» (2020), куда вошли как биографические материалы и воспоминания, так и статьи по пушкинской теме.

В новом издании Т.В. Горох вспоминает о людях, имевших значение в её жизни, начиная с раннего детства, с семьи, при этом рассказывает историю места, где она родилась и провела детство (Кубань), и намечает канву своей дальнейшей жизни до сегодняшнего дня.

Как приложение публикуются два письма В.А. Мельниковой, с которой Таисию Владимировну связывали многие годы дружеского общения. В них прослеживается жизнь не только интересного человека, но и судьбы наших соотечественников на протяжении целого века.

Компьютерный набор - Ольга Васильевна Лобанова

Редактирование фотографий и вёрстка – Светлана Евгеньевна Васильева

Ответственная за сбор материалов и дизайн – Мария Александровна Федоренко

В издании использованы фотографии из домашнего архива Т.В. Горох

Содержание

1. «Что пройдёт, то будет мило».....	с. 5
2. Как я нашла себе отца.....	с. 6 - 8
3. «В начале жизни школу помню я».....	с. 9 - 13
4. Хуторок не велик и не мал.....	с. 14 - 16
5. Вот так поэт вошёл в мою жизнь.....	с. 17 - 18
6. Анна Ефимовна стала мне другом.....	с. 19 – 21
7. Помнится только А.И. Перфильев	с. 21
8. Самые интересные люди, с которыми я встрети­лась, были в армии.....	с. 22 - 23
9. «Друзья мои, прекрасен наш союз!».....	с. 24 - 30
Приложение. Письма В.А. Мельниковой Т.В. Горох.....	с. 31 - 45

«Что пройдёт, то будет мило»

*Но гаснет краткий день – и в камельке забытом
Огонь опять горит – то яркий свет лиет,
То тлеет медленно, – а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.
И забываю мир, и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем.
Трепещет, и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться, наконец, свободным проявленьем –
И тут ко мне идёт незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.*

А.С. Пушкин. «Осень»

*Т.В. Горох. В период
проживания в г. Эмба
(Казахстан), 1965*

Недавно отметила высокий юбилей своей жизни (85 лет) и задумалась вот о чём.

Если эта жизнь состоялась, если мною были преодолены её трудные, иногда трагические страницы и, тем не менее, я была счастлива в ней, то чем заполнена была она, что поддерживало, укрепляло меня в ней?

Не задумываясь, отвечаю. Это встречи с интересными, хорошими людьми. Будучи опытными профессионалами в областях своих знаний, они не показывали своего превосходства, были тактичны, внимательны, умело могли оказать помощь, дать совет, поддержать в трудную минуту.

О некоторых из них я расскажу и начну с самого раннего детства.

Как я нашла себе отца

Родилась я в 1935 году на хуторе Калинин, точнее, в колхозе имени Калинина (а хутор, его земли принадлежали когда-то помещику Ершову) Безводного сельсовета Курганинского района Краснодарского края.

Мой отец, Владимир Тимофеевич Гладков (1912 – 1943), собираясь идти на действительную службу, женился на 16-летней девочке, Александре Васильевне Домашевой (1914 – 2003), будущей моей матери, боясь, что пока он будет на службе, она может выйти замуж за другого. Ожидая мужа, она жила в семье его родителей.

*Родители – Владимир Тимофеевич Гладков и Александра Васильевна Домашева.
Хутор Калинин, 1935*

Через год после возвращения его со службы родилась я, а ещё через год или полтора он оставил нас. Оставил, но не ушёл, а привёл свою новую жену в свой дом, отделив себя от нас с матерью только межкомнатной дверью.

Трагедия молодой женщины была не только жестокой, но и унижительной, безысходной. Она не могла вернуться назад, в дом своего отца и мачехи, не смогли бы её принять в своих семьях старшие сёстры и братья, т.к. сами жили в качестве невесток и зятьёв у своих новых родителей.

Выход нашёл мой дед со стороны матери Василий Родионович Домашев (1870 – 1956). Он решил, что из этого кошмара его дочь может вывести только его младший сын, брат матери, который жил со своей семьёй на хуторе Тарасовском в соседнем Успенском районе, будучи председателем первого колхоза, образованного на землях помещика Тарасова. Колхоз

*Дед и бабушка – Василий Родионович и Мария Михайловна Домашевы (справа).
Станица Ново-Кубанская, начало XX в.*

имени Красина стал моей настоящей родиной на Кубани.

В доме моего дяди Ивана Васильевича Домашева мы прожили только один месяц. Его перевели в село Коноково с повышением в должности. Вместе с ним мы не уехали: мама не хотела собой отягощать его молодую семью. Она осталась на Красине (будем так называть бывший хутор Тарасовский), среди чужих людей. В тёплое время года она жила со мной на ферме, а когда

*Я с матерью и соседкой Ольгой Прохоровой
и её детьми. Хутор Красин, 1937*

наступила осень, а затем зима, мы стали жить на квартире у старенькой интеллигентной женщины. С ней оставалась я, когда мать уходила на работу. И здесь мы не задержались. Хозяйка дома сообщила нам, что её забирает к себе сын, дом будет продан и, сочувствуя нам, она дала совет (со слов матери я так запомнила его): «Ты молода, красива, только

появившись здесь, сразу обратила на себя внимание мужчин, и холостых, и женатых. Желających познакомиться с тобой будет достаточно. Я вижу, ты женщина строгая, а мужчины – народ жестокий, они не простят тебе отказов, выдумают «победы», ославят, а защитить тебя невозможно, это могут сделать только отец, муж, брат, сын. Ты должна выйти замуж и как можно скорее. Я тебе советую обратить внимание на молодого парня, Николая Овсянникова, он из уважаемой семьи, родителей нет, старшая сестра заменила ему мать, вырастила его с пяти лет. Был женат. Развелись. Был ребёнок. Умер. Сейчас он строит свой собственный дом. Он и его родственники обратили на тебя внимание, познакомься с ними. Помоги ему, как и другие, в строительстве дома, а дальше всё поймёшь сама».

Знакомство состоялось. Дом был закончен. Она его штукатурила и белила, последним был закончен пол. Надо было только войти в дом хозяйкой. Но она поняла, что этого не сделает. Взяв меня за руку, ушла в Армавир (наш хуторок стоит на высоком правом берегу реки Уруп, недалеко от города Армавира), а

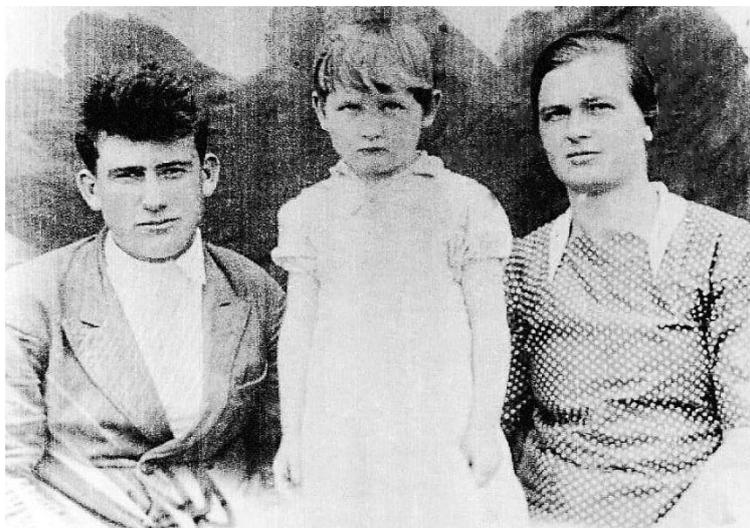
Я в Армавире, 1937

оттуда на поезде прибыли мы на станцию Андрее-Дмитриевскую, а недалеко от неё – и хутор Калинин.

Все родственники собрались в доме деда. Был накрыт стол, а мы, маленькие, чтобы не мешать взрослым, устроились под столом. Взрослые говорили о судьбе моей матери.

А вот этот момент помню я сама, мне было около трёх лет. Открывается дверь и входит этот парень в рабочем комбинезоне, с кнутом в руках. «Здравствуйте, а я вот был на мельнице, заодно заехал к вам, может быть Шура и Тая вернутся на Красин, так я подвезу их на лошадях, напрямую короче, чем на поезде». Не ожидая, пока он закончит свои придумки, я, стрелой выскочив из-под стола, с криком «папка мой!» влетела к нему на руки. И так, со мной на руках, вошёл по приглашению деда и сел к столу мой будущий отец. Дед тут же объявил родительский приговор: «Якщо дытына прызнала батька, то йдзь з ным».

Итак, я нашла себе отца, а маме пришлось подчиниться воле своего отца. Тяжело ей было. Однажды я видела её в слезах. На моё испуганное удивление она ответила: «Из-за тебя ведь всё это». Я не поняла, конечно, будучи маленькой, в чём дело. Теперь понимаю, что отец был обделён должным

отношением со стороны моей матери. Были, видимо, объяснения, которые ранили их обоих.

Но время лечит. Дети растут быстро. Я пошла в школу. Была вся в пятёрках. С интересом училась. Как только научилась читать, к книге привязалась навечно, не расстаюсь с ней по сей день.

*Я с матерью и отчимом – Николаем Владимировичем
Овсянниковым. Хутор Красин, 1938*

«В начале жизни школу помню я»

Родители поняли, что надо менять школу. Ближайшая средняя школа была в Армавире. Я сама отнесла документы в город. С этого дня бюджет нашей семьи разделился. Родители должны были обеспечить моё проживание,

*Я с матерью.
Хутор Красин, 1944*

*Выпускной 4 класс. Хутор Красин.
Первомайская школа № 1. 1947*

питание, одежду, повседневную и школьную, соответствующую условиям города, чтобы я не отличалась от городских детей и не стеснялась своего сословия. А это большие для того послевоенного времени затраты. Многие легло на плечи отца, а особенно доставка всего этого ко мне в город еженедельно. Выручало нашу семью то, что отец работал ездовым на паре лошадей, его поездки в Армавир были частыми, и это было для нас очень важно. Мы общались, он обязательно проверял мой дневник. Ничем я его не огорчала. Он уезжал довольный.

Обучение в средней школе подходило к концу. Мои родители приготовили мне замечательное расставание с ней. Уже в 10 классе для меня

*После окончания 7 класса.
Армавир, 1950*

*Учёба в 10 классе.
Армавир, 1953*

было сшито во взрослой мастерской тёмно-синее зимнее пальто с воротником из котика. К выпускному вечеру было подготовлено красивое платье и всё к нему положенное. Я была самой видной и нарядной и танцевала с самым красивым мальчиком. Наша классная руководительница сказала тогда моим одноклассникам: «Утёрла вам нос Тая во всех отношениях, а ведь жила и училась далеко от родителей, не в пример вам».

После окончания школы. Армавир, 1953

1953 год – счастливый, незабываемый год в моей жизни: позади выпускные экзамены, полный успех на танцевальном вечере в школе, поступление в КГПИ на конкурсной основе, и самое главное – мне 18 лет!

*Я с подругой Адой Хазаровой.
Армавир, 1953*

*Я, Валя Сидорова, Рая Миронова.
Армавир, 1953*

Этой радостью, доставленной в честь окончания школы, я обязана своему отцу. Одной матери невозможно было бы осилить такие затраты, и неизвестно ещё, возможно ли было бы моё обучение вне семьи, если бы у меня был другой отец, даже и родной. Об этом даже подумать страшно! А мой настоящий отец в честь окончания школы подарил мне ещё и велосипед, на нём катались и его внуки, приезжая к дедушке на лето.

Я с матерью и отчимом в Красине, 1954

Годы учёбы в институте также были для меня достаточно обеспеченными. Я прекрасно отдыхала во время летних каникул. Так, например, на всю жизнь запомнился турпоход в горах Кавказа. С группой туристов мы пересекли с севера на юг четыре горных перевала, Главный Кавказский хребет и вышли к Красной поляне, известной теперь всему свету!

*Я с подругой. I курс КГПИ.
Краснодар, 1954*

*III курс КГПИ.
Краснодар, 1956*

*III курс КГПИ.
С однокурсниками перед
отправкой на сельхозработы.
Краснодар, 1956*

*IV курс КГПИ.
Краснодар, 1956*

*Я с Нелей Прожориной.
IV курс КГПИ.
Краснодар, 1957*

*IV курс КГПИ.
Краснодар, 1957*

*Родители с моим двоюродным братом
Николаем и его детьми.
Хутор Красин, нач. 1960-х гг.*

*Моя мама.
Хутор Красин, 1968*

Окончив институт, я считалась уже взрослой. Казалось бы, и забот обо мне станет меньше. Но опека надо мной продолжалась всю жизнь, т.к. мы с мужем попали в тяжёлое положение, как и вся страна, и в хрущёвские времена, и в годы перестройки, но эта помощь больше походила на подарки к праздникам, и мы были им всегда рады.

Отношения родителей были прекрасными: единодушие, забота друг о друге. Ни ссор, ни скандалов, ни досады в их отношениях я не замечала. Когда они стали болеть, то боялись остаться друг без друга, и это было очень трогательно видеть. Они, мои родители, много сделали для меня, они жили для меня. Я не смогла быть им столь благодарной и полезной, как они мне, но я уверена, что ничем не огорчила и не опозорила их своим поведением и своей

жизнью. Их помощь не пошла как в чёрную дыру, она принималась с радостью и шла на пользу.

Последние 12 лет моя мама прожила в моей семье в Торжке. Отец умер и похоронен на Кубани, в своём Красине.

*Я с мамой, дочерью Гелей
и сестрой Зиной. Торжок, 1974*

Я с мужем и мамой. Торжок, 1991

Вот такие мои отцы. Один породил, меня, наделив чертами своего характера, любовью к чтению книг, к музыке, внешним сходством, другой не дал заглохнуть этому, сохранил, развил, защитил от житейских бурь и невзгод, и я понимаю почему. Из-за моей мамы. Он не мог надыхаться, не мог насмотреться на свою «калину красную». Я попала в ауру этого великого чувства. 53 года они прожили не расставаясь. Они часто приезжали ко мне в гости, где бы я ни жила со своей семьёй, и побыв дня три, торопились вернуться друг к другу. И всё-таки перед уходом из жизни мамы в последнем разговоре с ней я услышала о моём родном отце: «Как он мог? Как можно оставить ребёнка, которому только один год?» И уже в бреду она постоянно произносила моё имя, имя его дочери.

Хуторок не велик и не мал

Многое необычно в моей жизни. Например, то, что хорошим человеком для меня с самого раннего детства и по сей день я считаю своего отчима. Я впервые называю его так. На самом деле он стал моим отцом, когда сам ещё, по существу, был мальчиком двадцати лет, отважно завоевав внимание моей матери.

*В период проживания
в Польше. 1966*

Необычно и то, что первой в нашем хуторе окончившей среднюю школу, а затем и институт, была неродная дочь Николая Владимировича Овсянникова, то есть я, хотя эта прерогатива была у родных детей жителей нашего поселения. Уверена, что эта неродная дочь – единственный человек, который рассказывает теперь об истории двух хуторов, которые появились на кубанской земле на рубеже 1930-х – 40-х годов, в эпоху коммун и начала коллективизации сельского хозяйства.

На хутор Ершов переселились среди других семей из станицы Новокубанской семьи Гладковых и Домашевых. А в станицу Новокубанскую они прибыли из разных мест. Гладковы – из Курской губернии. Один из них, из поколения прадедов, в Новокубанской станице женился на казачке Павловой. А один из его сыновей, мой дед Тимофей, женился на казачке Акулине Семиножке. Их сын Владимир, выходит, – казак наполовину, а я его дочь.

Домашевы прибыли из Воронежской губернии – вселенского русско-польско-украинского смешения народов. Моя мама, как и её отец и мачеха, говорили почти на украинском языке. Но среди Домашевых считали, что мы из обрусевших поляков. Так ли, я не знаю. Но когда мы жили в Польше, поляки меня принимали за свою: «то пани пэнькна» (красивая), «то пани слична» (милая), «то пани польска», «то пани наша». Я понимала польский язык, но не могла говорить. И

*С мужем
Виктором Алексеевичем.
ПНР, 1966*

ещё, я не хотела уезжать из Польши. Самый здоровый, самый благостный период моей жизни состоялся в Польше.

А вот история переселения на Кубань родных моего отца Николая Владимировича. Мленковские приехали из западной губернии России и поселились в селе Вольное, что вблизи города Армавира. Три дочери Мленковского вышли замуж на новом месте: одна за Назаренко, другая за Бондаренко, третья за Овсянникова. Позднее семьи Овсянниковых и Назаренко переехали на хутор Тарасовский (колхоз имени Красина), а семья Бондаренко решила искать своё счастье на левом берегу реки Уруп, где уже определились и начали заселяться линейными казаками станицы Бескорбная, Спокойная, Отрадная, Удобная и др., но не найдя, вернулась и вслед за родственниками поселилась на хуторе Красине. Теперь никого из них нет в живых, кроме Танечки Евглевской (ур. Бондаренко), с которой мы поддерживаем родственные отношения.

В этот круг новых родственников вступила молодая женщина с ребёнком и не ошиблась. Никогда никаких недоразумений с ними у неё не было.

Я живой свидетель внешнего образа тех хуторов на Кубани, в которых жили переселенцы. И хутор Калинин, и хутор, в котором оказалась я, Красин, представляли из себя улицы, по сторонам которых были выстроены турлучные хаты (стены из шестов, вкопанных в землю, переплетённых лозой или хворостом и обмазанных глиной), крытые соломой или камышом, а у тех, кто побогаче, – дранкой или черепицей. Хата, в которую ввёл нас отец, была крыта черепицей. Земляные полы преобладали. Перед домами, вдоль улицы были высажены белые акации, затем у хуторян появились сады, и вскоре хутора стали утопать в буйной зелени. Со временем хаты заменялись домами со всеми видами благоустройства. Хутора поменяли свой облик. Иногда их сносили с лица земли, как это случилось с хутором Калинином (Безводный сельсовет – этим всё сказано), а иногда они соединялись с городами и становились их пригородами, как произошло с хутором Красином.

Я свидетель не только ранней истории этих хуторов, но и достопримечательностей этих мест. Например, хутор Калинин. Свободных земель достаточно – обрабатывай и живи. А воды нет. Справа и слева от хутора, спускаясь с гор, впадая в Кубань, текут быстрые реки Уруп и многоводная Лаба. Они недалеко, но не рядом. Вода только артезианская, для технических нужд и для скота, а для питья и стирки – дождевая. Кто привык, те пили солоноватую артезианскую воду.

И тем не менее этот безводный хутор процветал. Сын владельца земель не был репрессирован, в отличие от отца, судьба которого неизвестна. Сын

остался в Ершове и вместе с прибывшими селянами налаживал быт. Он ранее окончил какое-то учебное заведение, благодаря чему разбирался в технике и электричестве. В результате в колхозе появился какой-то двигатель или движок, подающий электричество, благодаря чему насосы подавали воду из артезианских скважин и наполняли поилки для скота или для других нужд. Электрическое освещение было в правлении колхоза, в клубе, библиотеке, школе, детском саду. Были и другие его нововведения. Но подошла новая волна репрессий, юноша был арестован и помещён в сарай, где была только солома. Его не кормили, селянам не разрешали кормить и общаться с ним. Любимая девушка тоже не могла ему помочь. Он погиб.

В отличие от хутора Калинина, хутор Красин богат водой. Он расположен на высоком правом берегу реки Уруп.

Итак, есть река, есть лес, который заполняет собой широкую и глубокую пойму реки. Стоишь на одном берегу (а позади сады твоих хуторян), а перед тобой, в глубине поймы, – верхушки леса, зелёное море, окаймлённое другим, более высоким берегом реки, но безлесным, окрашенным цветом открытых горных пород.

Если смотреть на юг, вверх по течению реки Уруп, то в ясную погоду можно увидеть контуры пяти гор. Где-то там, за черкесскими землями, Пятигорск. Туда на лечение целебными водами отправлялась вся русская культура, а на театр военных действий, на Кавказ, была отправлена русская армия.

Пушкин дважды был на Кавказе, и одну из почтовых станций он обязательно должен был проехать. Она называлась Прочный Окоп. Это место известно с давних исторических времён. Оно хранит память о многих известных людях. В школе Прочноокопской станицы есть музей, в котором рассказывают о проезде А.С. Пушкина по этим местам.

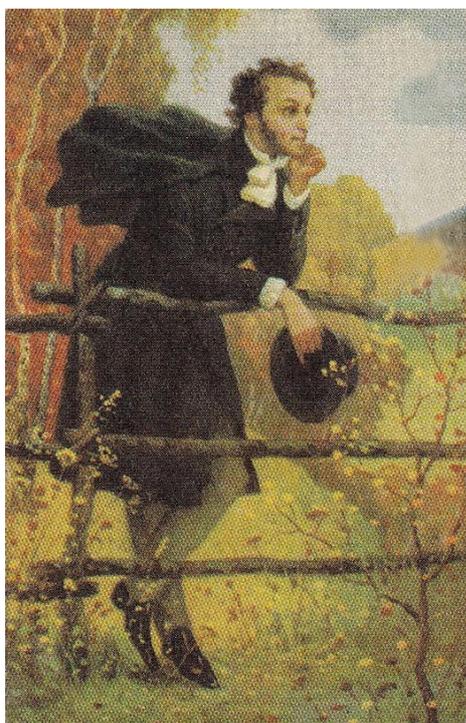
Вот так поэт вошёл в мою жизнь

Пора вспомнить хороших людей вне родственного круга.

12 лет я прожила среди хуторян. Это было время моего единения с природой, далее надо бы перечислять: с детьми моего возраста и т.д., а мне, если честно, помнятся малыши – ежегодное потомство наших домашних животных: цыплята, поросята, телята, котята, щенки – мои питомцы, мои друзья не только в детских играх, но и предмет моих серьёзных забот. Времени для игр у сельских детей оставалось мало. Мы использовали его по дороге в школу (на хутор Первомайский) и при возвращении домой. И было время, отводившееся на выпас и кормление всей домашней живности на полях колхоза после уборки урожая.

В это время произошла моя встреча с книгой Л. Толстого «Война и мир». Не помню, откуда она появилась. Трудно сказать, сколько раз я её перечитывала, – и каждый раз с чувством, что читаю её впервые.

А вот другая встреча. У мамы была приятельница Галина Андреевна Крикун. Жила она с мужем Андреем Мироновичем и тремя взрослыми детьми: Марией, Иваном и Александром – в конце хутора, напротив нашего дома. Дружба её с моей матерью не прекращалась до конца их дней. Вот что интересно: в каждый свой приход к нам Галина Андреевна находила время уделить мне внимание. Она спрашивала о многом, я охотно отвечала. Подобных бесед с родителями у меня не было. Она спрашивала, что я читаю. «Почитай мне

*А.С. Пушкин. Художник
М. Пашинин. Открытка. 1971*

вслух». И как-то она пригласила меня к себе. Я увидела семью, которая живёт умело, в достатке.

Крикуны – украинцы. Они приехали на Кубань сразу после изгнания немцев из наших мест и не стали строить себе хату, как все, а купили дом у немца Миллера. Семьи немцев Миллера и Гейна наши власти перед войной изгнали в Сибирь. Дом этот не был русской хатой. Он был на фундаменте, поднимались в него по трём ступенькам. Был коридор, из него вход в большую светлую комнату. Везде крашеные полы, тканые коврики, богато убранные иконы в углу, стол, стулья и сундук. Бабушка (так мысленно я её называла) открыла крышку сундука, и на дне оказались книги, каких я никогда не

видела. Это были, как я теперь понимаю, отдельные тома избранных сочинений Т.Г. Шевченко, М.Ю. Лермонтова и А.С. Пушкина. Я поочередно читала их, и даже Шевченко на украинском языке. Из Лермонтова понравился «Мцыри», а из Пушкина – «Арап Петра Великого». Вот так поэт вошёл в мою жизнь.

Мне тогда и в голову не приходило спросить, откуда у них эти книги. Я не удивлялась этому! У них всё не как у всех: дом, двор, вокруг которого штакетник, во дворе сад, в саду пасека. В доме – специальная комната для откачки мёда, его хранения, взвешивания, продажи. Детям были построены дома в Армавире и в станицах. Галина Андреевна и её муж были интересными рассказчиками, и всё-таки они были крестьянами. И только сейчас я вспоминаю деталь рассказа моей матери о них. Была и Галина Андреевна молода. И была у неё любовь, большая и светлая. Не разрешили молодым пожениться, а в наказание за то, что родила от него сына, её отдали за нелюбимого, глубоко хромого с детства. Заниматься он мог, пожалуй, только пасекой, а это во все времена выгодно. Брак был насильственный, муж за равнодушие избивал её, пока не подросли сыновья. Однажды они ему пообещали: «Будешь обижать мать – выкрутим тебе и вторую ногу». В своё время подрастал старший сын Фёдор. Видимо, он получил хорошее образование и занимался чем-то важным до войны. В войну он погиб. На Красин к Галине Андреевне приезжала его жена, прокурор в каком-то украинском городе. С нею была её дочь, внучка Галины Андреевны, вся в воланах, кружевах и бантах. Видимо, книги, которые её бабушка привезла с собой на Кубань, читал её отец Фёдор, сын от любимого человека.

Галина Андреевна всегда приходила к нам, узнав, что я приехала на каникулы или в отпуск. Благодаря нашим разговорам я прояснила отношение к окружающим меня людям. Она считала, что каким бы человек ни был, в нём всегда есть что-то хорошее, доброе, умное. Нужно всегда иметь это в виду, выстраивая отношения с ним. А если надежда не оправдалась, то отношения всегда можно изменить или оставить, но не доводить до тяжёлых разрывов, разборок. И ещё говорила: «Люди красивы, многие красивы, каждый по-своему, но все люди бывают всегда красивы в молодости, даже те, которым не дано этого дара».

Анна Ефимовна стала мне другом

А дальше было время моей учёбы в Армавире. Два года – у моей ворчливой тётушки: «Все не такие и всё не так». Спустя многие годы она рассказывала мне, что её соседи помнят, как я учила уроки. А учила я их так. Все устные предметы я пересказывала вслух. Так советовал мне учитель русского языка и литературы. Он видел мои затруднения в речи из-за сильного влияния кубанского диалекта. Боясь его не избежать, я чувствовала неуверенность при устном изложении любого материала, и оценки знаний на «отлично» просто не могло быть. Поэтому я, расхаживая по двору, всё устное произносила вслух.

В 10 классе я уже жила в центре города, на улице Дзержинского. Моя школа № 19 совсем рядом, стоит только повернуть на параллельную, центральную улицу Кирова. А если по этой улице спуститься к берегу реки Кубани и по мосту перейти на её правый берег, то тут и начнётся станица Прочнокопская, а рядом с нею – Прочный Окоп. Но я тогда не знала, что это связано с Пушкиным и что это так близко.

Итак, я жила уже у чужой женщины, в одной комнате с ней. Звали её Анна Ефимовна, ей было 53 года. На этой же улице, напротив, жила другая тётя, жена маминого брата Ивана – того, что взял нас к себе на хутор Красин. Она, Любовь Макаровна, жила со своей дочерью Зиной, моей двоюродной сестрой. По договору с моей матерью тётя Люба должна была обеспечить мне питание, а учить уроки и спать я должна была у бабушки. Когда Анна Ефимовна увидела продукты, которые моя тётя получала на моё кормление, и узнав о том, что два года перед этим мои родители кормили семью другой тётки, она сказала: «Я хочу помочь тебе и твоим родителям. Ты будешь делать всё сама. Ты увидишь, как немного тебе нужно, я научу тебя готовить, ты справишься. Как бы ни старались твои родители перед роднёй, всё равно ты была зависимой, приниженной, а будешь самостоятельной и учиться тому, как распределять возможности для жизни».

Я так и сделала, и вскоре убедилась в её правоте. У меня появилось всё для моего маленького хозяйства. Находилась время помочь Анне Ефимовне. Вскоре натирать паркетный пол мастикой, мыть пол в общем коридоре, на веранде и лестницу на второй этаж в очередь Анны Ефимовны стало моей прерогативой. Ни намёков, ни просьб со стороны хозяйки не было. Мне это нравилось, я это делала с радостью. Анна Ефимовна стала мне другом. Она познакомила меня со своими взрослыми дочерьми и внуками. Я чувствовала себя своей в её семье. Я была с ней откровенна, говорила о школьных и сердечных делах. Она радовалась моим успехам в школе и не скрывала этого перед

соседями. Ей нравились мои родители, но терпеть не могла мою сестру Зину, и оказалась права.

Взрослые переусердствовали, расхваливая меня перед своими детьми. И вот эти дети во главе с моей сестрой Зинкой подготовили для меня подлую шутку. Они составили записку от имени мальчика, жившего в нашем же доме, чтобы я вышла в какое-то время на перекрёсток двух улиц. Я не могла понять, почему я должна выходить на улицу, если мы живём в одном доме, но, не желая быть невежливой, пошла на указанное место. И сразу, с первых же шагов, я увидела всех этих девок, их злорадные глаза, а выйдя со двора, я увидела, как из дома напротив уже рассматривает меня Зинка. Я поняла всё, в глазах у меня потемнело, я вернулась домой, легла и не могла встать. Бабушки не было. И вдруг входит Зинка. Видит, я больна. Извиняется, что-то говорит. Я ничего не сказала, а составила о ней своё мнение.

*Я с двоюродными сёстрами Зиной и Любой Домашевыми и Зиной
Завгородней во время проживания у Анны Ефимовны.
Армавир, 1952*

Нет худа без добра. Одна из соседок Анны Ефимовны, благородная замкнутая женщина, которая ни с кем не общалась, сторонилась всех (говорили, что она дворянского происхождения), подошла ко мне и сказала примерно так: «Я знаю, что с вами сотворили, знаю, как вы это пережили. Советую вам, успокойтесь. Их действия – инстинкт дворянок, они проиграли, а вы – особенная, знайте это». Услышать это для меня было так важно. Моя самооценка, несмотря на детское горе, повысилась. Я ожила.

Анна Ефимовна – чужая женщина – приютила чужого ребёнка. Другая женщина укрепила в несчастье, а сестра участвовала в заговоре.

Реакция моей мамы: «Смотри сама, ты в городе одна. Если сможешь без них (т.е. тёти Любы и Зинки), то не бывай у них, помни обиду. А если не сможешь, то придётся прощать».

Помнится только А.И. Перфильев

Годы учёбы в Краснодарском государственном педагогическом институте имени 15-летия ВЛКСМ на отделении географии естественно-географического факультета не оставили у меня каких-то особенных чувств и воспоминаний. Это были годы падения масок с моего романтического взгляда на все проявления жизни.

*Андрей Ильич Перфильев,
доцент кафедры экономической
географии, кандидат
географических наук.
Фото: Краснодарский
государственный педагогический и
учительский институт*

Помнится только Андрей Ильич Перфильев.

После выпускного вечера мы сидели за праздничным столом, и он был с нами. Я, например, не знала, что в институте за нашей группой был закреплён или назначен ответственный из преподавателей. Я сидела рядом. Вечер шёл своим чередом, и уже к концу он оборачивается ко мне и говорит: «Я хотел сказать вам, что обратил на вас внимание с начала обучения. Как трудно и сложно для вас было оказаться среди незнакомого окружения взрослых людей. На моих глазах прошло время поиска вами пути отношения с ними. Вы вышли из всех тупиков, из всех ошибок, непониманий, из всех сложных ситуаций и оказались на высоте. Желаю вам счастья во взрослой жизни».

Самые интересные люди, с которыми я встретилась, были в армии

За годы моей работы в качестве учительницы семилетней школы на Алтае и пребывания моей семьи в Казахстане, на месте службы моего мужа, я не встретила интересных, хороших людей, а вот значительные, запоминающиеся факты были.

24 марта 1958 года приехавший за мной из Краснодара молодой человек, Виктор Алексеевич Горох (1935 – 1994), срочно расписавшийся со мной в местном сельсовете, увёз меня к месту своей службы, в город, в котором я когда-то училась. За это я ему благодарна по сей день, хотя вот уже 30 лет как нет его на свете. В Краснодаре 19 февраля 1960 года родился мой сын Алексей. А в Казахстане, в Эмбе, родилась моя дочь Гелена, любимица отца. Дата её рождения 8 января 1965 года.

*С мужем и сыном.
г. Иланский Красноярского края, 1962*

*С мужем и сыном.
Торжок, 1977*

*Моя дочь Гелена.
Торжок, 1983*

*Моя дочь Гелена с сыном Кириллом.
Торжок, 1994*

Годы службы мужа в армии (и моей с ним) открыли для меня настоящий мир, ничем не приукрашенный, богатый впечатлениями – это целая история, но я пишу только о людях, которые стали для меня опорой в жизни или откровением.

Я люблю мир военных, я познала армию в боевых частях, стоящих на защите Родины. Знаю, что многие об армейских офицерах отзываются как о серых личностях. Я с этим не согласна. Самые интересные люди, с которыми я встретила, были в армии. Я не забыла их. Я с гордостью пишу о том, что во время встреч моего мужа с ними в Москве они настоятельно просили передать мне привет. Это были полковники Темников, Колчанов и Ковалёв, стоявшие во главе войсковой части, каждый в своей должности. К первой награде меня представляли они.

*Я с сыном Алексеем. Торжок, 2021.
Фото О.В. Лобановой*

«Друзья мои, прекрасен наш союз!»

Далее пойдут годы моей непрерывной активной деятельности, связанной с именем Пушкина (музыкальный салон в клубе железнодорожников имени Парижской коммуны и музей А.С. Пушкина в Торжке, которым я заведовала с 1976 по 2010 гг.).

У меня составилась обширный круг знакомств с людьми, о которых можно смело сказать – интереснейшими. Это замечательные люди в моей судьбе. Они меня поддержали, помогли, укрепили духовно, обеспечив моё желание и стремление учиться в моём «университете», что так необходимо в пушкиниане. Они были моими наставниками и преподавателями, каждый в своей научной теме.

Первым был Лев Валентинович Тимофеев. Сейчас он пенсионер. Я знала

Л.В. Тимофеев. Приютино, 1970-е гг.

*Фото из открытого источника
в Интернете*

его в бытность его директором музея-усадьбы «Приютино» под С.-Петербургом и научным сотрудником Пушкинского дома. Мне очень повезло, что знакомство с ним состоялось в самом начале моей работы в музее. К тому времени уже поняла, что тему дорожных впечатлений от поездок Пушкина по России и Тверской земле я должна донести до посетителей не просто литературным языком, а языком музейной экспозиции. Но как? Экспозиции многоязычна, её составляют полтысячи экспонатов. С какого надо начинать изучение, чтобы он «заговорил»? Я была в тупике.

К этой заботе, казалось бы, неразрешимой, прибавилась ещё одна, когда в Торжок приехал Л.В. Тимофеев и посетив наш музей, задал вопрос: «Почему вы в экскурсии по музею и экскурсоводы по городу говорите, что Пушкин бывал в «старом доме» у Петра Оленина? Тем более странно, что в экспозиции вашей нет ни слова, ни единого документа, подтверждающего это». Круг для меня замкнулся. А вышла я из него, начав серьёзно учиться в «университете». Моим преподавателем стал Л.В. Тимофеев. Изучаемая тема звучала так: «Русская культура на рубеже XVIII – XIX веков. Пушкин и Оленины».

Лев Валентинович во время приездов в Торжок или моих приездов в тогда ещё Ленинград, в письмах, в телефонных разговорах рассказывал мне и всем нам о своих находках, об их изучении, о своей работе в крупных архивах нашей страны и музея-усадьбы «Приютино», о работе в Пушкинском доме, о своих научных публикациях, и я вошла в мир, в котором состоялись жизнь и творчество А.С. Пушкина, «поселилась» в семье Олениных и ответила на все интересующие меня вопросы, как говорят, «от дуба и камня».

Переписка со Львом Валентиновичем хранится теперь в ВИЭМ, в моём личном фонде № 10.

В начале 80-х годов XX века в наш город приехали две москвички, чтобы посетить музей Пушкина, о котором они узнали из прессы, и другие достопримечательности наших мест. Музей

*Валентина Александровна
Мельникова. 1960-е гг.
Фото из фонда ВИЭМ*

их покорила, состоялось наше знакомство, и наша дружба продолжилась.

Кто же они, эти женщины? Это Юлия Ивановна Возненко и

Валентина Александровна Мельникова. Обе служили в Главном ракетно-артиллерийском управлении Министерства обороны в качестве референтов-переводчиков. Пушкинская музейная тема так их увлекла, что они, но более всего Валентина Александровна, стали настоящими сотрудниками музея.

Если Лев Валентинович ввёл нас в мир русской культуры пушкинского времени, то Валентина Александровна вошла в этот мир разработками ряда тем, с учётом новых научных открытий, по лирике Пушкина (А.А. Оленина, А.П. Керн, Е.П. Бакунина, няня Пушкина Арина Родионовна, Ек. Н. Ушакова и т.д.), темы дорог и дорожных впечатлений Пушкина, росписью родословий дворянских родов (Волконские, Глинки), графическим исполнением очень важных для музейной экспозиции тем: «В течение двадцати лет сряду изъездил я Россию по всем направлениям», «Путешествия Пушкина по дороге Петербург – Москва» и т.д.

*Юлия Ивановна Возненко.
Торжок, 1982*

*Я во время поездки по усадьбам
Торжокского района. 1982*

И я, и Валентина Александровна, и Юлия Ивановна не замыкались в пушкинской теме. Вместе мы знакомились с музеями и достопримечательностями города Торжка и его округи, Москвы и Петербурга, а итоги наших посещений нашли своё место в фонде научной информации музея.

Валентина Александровна и Юлия Ивановна (ныне покойные) увлекли своего начальника, учёного секретаря Главного ракетно-артиллерийского управления, Александра Александровича Смирнова. Он с детства был увлечён темой войны 1812 года, а ко времени нашего знакомства (начало 1980-х гг.) количество собранных документов и материалов было так велико, что позволяло ему изучать это событие

в полном объёме. Его научные статьи можно увидеть в справочных изданиях (Военной энциклопедии, словарях по военной терминологии и т.д.) и изданиях по военной тематике.

Можно спросить, а причём здесь 1812 год, если он по совету своих сотрудниц приехал в музей Пушкина?

Я – свидетель его моментального вхождения в нашу пушкинскую тему. Краем уха он воспринимал речь экскурсовода. Он смотрел. В середине экскурсии он вышел из группы, подошёл ко мне и сказал: «Ваш музей весь – о времени Пушкина. В нём широко и полно представлен 12-й год – главное событие этого времени. Я готов сотрудничать с вами».

*А.А. Смирнов в гостях в музее Пушкина.
Торжок, 2004*

Эту готовность Александр Александрович проявил на деле. Вскоре, во время встречи с ним в Ленинграде, я прослушала лекцию «Пушкин и

двенадцатый год», которую он прочитал в знакомом ему научном кругу. Это было не только научно, но и потрясающе интересно. Вначале он рассказал о том, как это событие вошло в жизнь поэта во всех его проявлениях, интерес к которым у него не угасал, а усиливался к концу жизни, переходя в историческое осмысление.

*А.А. Смирнов в гостях в музее Пушкина.
Торжок, 2010*

Во второй части лекции Александр Александрович воссоздал весь ход этого самого жестокого события века по страницам произведений Пушкина. Показа его и оценки верней, чем у Пушкина, не найдёшь. Текст лекции подарен музею.

«Бюрократия России», «Русская армия», «Русские ордена», «Войны России» и т.д. «Зачем всё это?» – спросите вы. Затем, что в экспозиции размещены мужские портреты – знакомцев Пушкина, которые совсем недавно участвовали в войне 1812 года в разных чинах и должностях, а в мирное время занимали должности в разных ветвях власти, в службе придворной, военной, гражданской, духовной. Они были поставлены на разные ступени служебной лестницы России, обязаны были исполнять требования субординации. Это было обязательно в реальной жизни, этим требованиям подчинялись герои его произведений. В этих рамках был и он сам. Это определяло его судьбу.

Среди посетителей и гостей музея, которых я должна была запомнить, я не сразу обратила внимание на скромную высокую и стройную фигурку молодой женщины, которая бывала на всех наших музейных мероприятиях. Это была Ольга Васильевна Лобанова. Как я теперь понимаю, она была внимательным свидетелем того, как развивался музей, как происходило его становление, и моей роли как руководителя.

Знакомство как-то состоялось. Я сразу же обратилась к ней за помощью: собрать в печатном варианте листки и открытки с поздравлениями мне от сотрудниц музея в дни рождения. Теперь эти аккуратно отпечатанные искренние, юмористические поздравления вместе с фотографиями тех лет

переплетены в красивую обложку и хранятся в ВИЭМ, в моём личном фонде № 10 как память о моём дорогом коллективе.

В музее не было пишущей машинки, а у меня не было времени осваивать машинопись, и Ольга Васильевна вновь пришла на помощь, печатая и редактируя мои статьи и воспоминания.

Мне приятно с ней общаться, мы на одной волне. Я как «Скорпион» всегда сомневаюсь, не уверена в делах своих и начинаниях. Она не поддерживает такие колебания, и я иду вперёд в своём развитии.

У Ольги Васильевны свои достоинства: скромность, спокойствие, учтивость, благородство. Она не выпячивает и не подчёркивает свою роль. Зная французский язык, охотно оказывает помощь в переводе текстов.

Мы знакомы со времени работы её в ВИЭМ в качестве заведующей отделом учёта. Казалось бы, учёт! Но для Ольги Васильевны ведение фондовых документов не только техническая работа. Она знала и знает мир музейных предметов, с которыми знакомилась и навечно записывала в книги поступлений.

Невольно сравниваю Ольгу Васильевну со своей московской знакомой

*О.В. Лобанова. Торжок, 2018
Фото Н.И. Логиной*

Валентиной Александровной Мельниковой. У обеих учёба в инъязыках и знание иностранных языков. Обширный круг познаний, увлечений и знакомств, которыми они дорожат. Книголюбы. Обе любят детей, с которыми у них умелая, активная дружба, занятия, учёба. Они видят и чувствуют, кому нужна их забота, поддержка, когда прийти на помощь. Для

слабых и беззащитных это так важно.

Для меня сотрудничество с Ольгой Васильевной важно и ценно.

Совсем неожиданно в канун моего высокого юбилея я отметила для себя совершенно удивительных людей – Нину Аркадьевну Лопатину и Марию Александровну Федоренко.

Н.А. Лопатина. Торжок, 2020

Почему неожиданно? Потому что хоть и высок мой юбилей, я не собиралась его отмечать и не отмечала. Но они меня завертели так, что я не только его отметила, но и активно при этом работала: готовила статью по заказу Нины Аркадьевны (об архиве Покровской церкви) и одновременно с Марией Александровной и

Светланой Евгеньевной Васильевой готовила к выходу в свет мою книгу «От вас беру воспоминанье, а сердце оставляю вам...». Этими делами и приятными волнениями они продолжили мою активную жизнь.

Я безоговорочно принимаю все творческие работы Нины Аркадьевны исторического плана. В журнале «Тверская старина», печатающем такой материал, им нет подобных. Я слежу за выходом их в свет с самого начала знакомства с Ниной Аркадьевной (с 80-х годов).

А вот ранним утром 30 октября 2020 года я увидела в интернете самой первой среди городских новостей сообщение о моём юбилее. Это Нина Аркадьевна искренне, умело, живо, красочно и профессионально подготовила встречу моего юбилея для меня и для города.

В газете «Новоторжский вестник» меня ждало подобное праздничное сообщение и поздравление, подготовленное Марией Александровной. И ею же мне была вручена книга «От вас беру воспоминанье, а сердце оставляю вам...».

*С.Е.Васильева, Т.В. Горох и М.А. Федоренко
в библиотеке. 2020.*

Фото А.В. Моргушки

Вот так эти удивительные женщины ввели меня в потрясающую сферу – интернет, сферу общения с людьми, куда я вошла со своими материалами и со своей жизнью.

*В музее А.С. Пушкина. 2003 – 2004.
Фото Т.П. Большаковой*

*Мой кабинет в музее А.С. Пушкина. 1980-е гг.
Фото В.Б. Лаврова*

*Таисия Владимировна Горох.
Горжок, 2020. Фото А.В. Горох*

**Письма Валентины Александровны Мельниковой
(30.10.1928 – 7.2.2020) Таисии Владимировне Горох**

Дорогая моя Таисия Владимировна!

Что же это мы с Вами никак не можем наладить связь? Вот и Ваше письмо куда-то запропало, и не только Ваше, но и моё тоже. Я ведь наконец-то собралась Вам ответить и написала в черновике, чтобы потом переписать или перепечатать (если сумею). И вот – потеряла! Теперь пишу заново, хотя и совсем разучилась писать от руки. К тому же я теперь всё делаю лёжа. А писать лёжа очень неудобно. Сейчас вот села за стол. Но долго ли высижу – не знаю. В общем, всё мне стало теперь неудобно – и ходить, и стоять, вот лежать – это ещё ничего. И делать уже почти ничего не могу, а приходится, раз живу одна. Ну, не совсем уж одна: раз в неделю приезжает Юля, убирает квартиру, стирает, моет меня. Готовлю я пока ещё сама. Дважды в неделю приходит соцработник, приносит продукты и лекарства, покупает газеты, оплачивает коммунальные платежи. Мне с ней очень повезло – чудесная женщина! Два раза в неделю приходит соседка, она хоть не медик, но очень ловкая, и перевязывает мне ногу. А больше ходить ко мне некому, знакомых никого уже не осталось. Я и 90-летие не собиралась отмечать – не с кем, однако, как ни странно, желающие нашлись. Пришли из соцзащиты, и даже с подарком – комплектом белья, и зачем-то меня сфотографировали (оказалось – для Интернета). Так что Вы можете там меня найти. Потом приехала Юля с мужем и моей подругой Олей. И неожиданно приехал сын моей покойной подруги с женой и сыном, так что если бы приехали больше, их и посадить было бы некуда. Я тоже сидела за столом, но почему-то очень плохо помню, как всё это было. Ну, больше юбилеев уже не будет, так что беспокоиться не о чем.

Ура! Юля сходила к почтовому ящику и принесла два письма – Ваше и неожиданное – из Америки. Там в Калифорнии живёт семья потомков моей бывшей сослуживицы: туда сложным путём попала их внучка. Её отец развёлся с женой и с новой женой уехал в Америку, а потом забрал и дочь к себе. Она там окончила школу, потом институт, нашла хорошую работу, вышла замуж (за русского – там сейчас полно русских). У них уже двое больших детей, а она не работает – нет надобности, муж хорошо зарабатывает: преподаёт в институте, в котором сам учился. Раньше они ездили в Россию, заезжали и ко мне и привезли мне ноутбук и принтер, но я так и не сумела их освоить. Мне нужно, чтобы кто-то сидел рядом и всё объяснял, а некому.

Эта бывшая девочка чуть ли не с рождения летом жила у меня на даче и называла её «моя родная Щербинка», а я её учила всему, что сама знала по садово-огородной части. Она меня помнит до сих пор и называет себя моей воспитанницей.

У нас на работе был маленький, но очень дружный коллектив, мы были как одна семья, и их дети называла меня «тётя Валя», а дядя этой американской девочки, когда ему было 4 года, влезал ко мне на колени, обнимал и говорил: «Ты моя мама! У меня две мамы!» Я, конечно, таяла. А сейчас этот дядя уже дедушка!

Изо всех сил стараюсь писать разборчиво. Раньше меня выручала машинка, но сначала исчезли из продажи ленты, а потом она от старости сломалась, а новые машинки скорее похожи на компьютеры и устроены совсем по-другому. Сейчас мне купили другую. А я её никак не освою. Наступление XXI века очень чувствуется, и я в него не вписываюсь. Мало того, что не в силах освоить новейшую технику, так ещё старые навыки теряю. Вот вдруг обнаружила, что забыла арифметическое действие – вычитание! И с трудом определяю время на часах. А дальше будет только хуже. Вот совсем недавно скоростно умерла Юлина свекровь – немного моложе меня. Конечно, болячек у неё было немало, но ведь ходила, что-то делала и жаловалась только на бронхит. С 8 марта друг друга поздравили, всякого, как водится, нажелали друг другу... Для неё это, конечно, благо, а вот для оставшихся... Даже не знаешь, что лучше...

Лучше всего, я думаю, когда есть кому оставить нажитое. Я имею в виду не материальные блага – с этим проблем нет. А вот «духовные ценности» – с ними что делать? Книги – кому их сейчас всучишь? Разве что развлекательные – детективы, например. Их-то я сумела пристроить (да их у меня почти и не было). А классику? А поэзию? Поэзию и в лучшие времена читало лишь 5% населения. Классику, думаю, тоже. Ну, это, может быть, библиотеки возьмут, хоть и неохотно. Их сейчас хоть и пытаются реанимировать, но, по-моему, добьются лишь превращения их в развлекательные клубы, где культуры будет меньше всего. Читать будет, пока живо, наше поколение, да и то с трудом: вот хоть я, хоть моя подруга Оля, которой всего 70, уже не можем снять с полки высоко стоящую или просто лежащую книгу, а просить некого – старики чаще всего одиноки. Соцслужбы же сейчас всё больше переходят на платную основу.

У меня теперь вот такая проблема возникла. При чтении я часто выписывала встретившуюся мне интересную мысль. Постепенно их накопилось много, и ориентироваться в них стало трудно. К счастью, как раз

в это время полуфабрикаты стали фасовать в небольшие картонные коробки, и они мне очень подошли для хранения этих выписок, как раз по размеру в них хорошо входят листы А-4, сложенные пополам. Вот эти коробки и стали хранилищами для моих выписок. На их торцы я наклеила названия тем, видные издали. И они лёгкие, так что доставать их нетрудно. И оказалось, что просто читать эти выписки очень интересно. Ну, а что делать с ними дальше? Будь у меня такая же жизнь впереди, я бы никогда от них не отказалась. Но её нет, и никаких знакомых, интересующихся философией, литературой, русским языком – основными темами моих выписок, у меня нет. И в библиотеку их не возьмут – это ведь не книги. Возник как-то у меня знакомый – профессиональный философ, иногда он забегал ко мне, и я ему кое-какие книги отдала. Но знакомство это не закрепилось, может быть, потому что он специализировался на религии, а я – атеистка.

Так что будущее этих выписок висит в воздухе, и я пока живу, так же много читаю и делаю выписки, а зачем? У меня есть подруга Наташа, я с ней училась в институте, вот ей это бы подошло, но она почти моя ровесница и очень больная, время от времени меня навещает.

А книг хороших сейчас выходит много. И очень жаль, что я уже не ходячая. С каким удовольствием я порылась бы в книгах, и в тех, которые продаются, и в тех, которые выбрасывают! Даже сейчас – с удовольствием, несмотря ни на что. И книги даже сейчас каким-то образом ко мне попадают. За последнее время вышло много литературы о семье Цветаевых, о Муре, сыне М.Ц. Оказывается, интереснейший, умнейший и талантливейший был человек, и если бы остался жив, конечно, прославился бы. Сначала вышел 2-томник его дневников. Потом – дневники и письма в хронологическом порядке: 1. Неизвестность будущего. 2. Записки парижанина. Ещё вышла книга А. Цветаевой «Невозвратные дали» (о её путешествиях). Ещё стоит прочитать её книгу о ссылке «Amor» («Любовь»). Она вышла давно и большим тиражом, так что найти можно. У меня была своя. Но я её отдала Оле, так она над ней трясётся. С трудом выцарапала у неё, чтобы перечитать. Ещё вышла переписка Цветаевой с мужем (эту я ещё не читала). И ещё очень советую прочитать биографию Чуковского (ЖЗЛ), автор И. Емельянова. Она настолько хороша, что я даже хотела написать ей благодарственное письмо, но не собралась. И у него самого есть 3- или 4-томные дневники – оторваться невозможно! К Чуковскому у меня особое отношение: его и о нём могу читать не отрываясь.

А теперь, дорогая моя, о Вас, точнее, о Вашем самобичевании («Я – нуль» и т.п.). А Вам не приходило в голову, что и мы всё это время что-то от

Вас получали, и немало? И что нашими познаниями в пушкинистике, за которые Вы нас так превозносите, мы больше всего обязаны Вам же? Ведь именно Вы были нашим двигателем, Вы нас расшевелили, и без Вас мы так бы и остались полужайками, ничем не лучше всей массы «пушкинистов», которых обуяла вдруг любовь к Пушкину только потому, что это стало вдруг модным! Вот Вы сетуете на недостаточность своей подготовки, но она была, пусть и недостаточная, но всё же профессиональная, систематизированная, а наши знания были отрывочными, случайными, разрозненными, и только благодаря Вам мы смогли привести их в какую-то систему – как раз потому, что бегали для Вас по музеям и библиотекам, выискивая нужное Вам, и в то же время очень нужное для нас. А с каким удовольствием мы это для Вас делали! Для нас это была настоящая творческая работа, захватившая нас, оживившая наше, честно говоря, очень скучное существование (полюбить работу технического переводчика невозможно!) И в этой работе для Вас мы выросли в собственных глазах, а не только в Ваших. Это были чудесные годы, спасибо Вам за них! Так что Вы дали нам очень много. Пожалуй, меньше всех получил от Вас Смирнов, и то лишь потому, что серьёзное увлечение – 1812 год – у него уже было, и Пушкин, в общем, был для него лишним. Но и он помогал Вам с искренним удовольствием. Вообще он человек очень отзывчивый и помогает всегда охотно, а наш общий энтузиазм захватил и его. Но мне кажется, что всё это я Вам уже говорила или писала. Ведь почему мы после первого же посещения Вашего музея остались с Вами? Потому что очаровались им. А ведь это очарование создано Вашими трудами, Вашими руками, на всём здесь отпечаток Вашей личности. Вот что мы там почувствовали, ещё не зная Вас. Считаю, что выяснение отношений на этом можно закончить.

Это письмо я пишу уже очень давно, частично сразу, частично на черновиках. Если черновик более-менее разборчивый, я его оставляю (потом пронумерую). Как жаль, что мы живём не в одном городе! Я-то всё равно не ходячая, а вот Вы могли бы меня навещать! Вот уж наговорились бы! Тут у нас прошёл слух, что Реутов присоединяют к Москве. Но это нам, к сожалению, ничего не даёт!

Что ещё осталось обговорить? Боюсь, что в этом письме я во многом повторяюсь, но это потому что все темы очень близкие и сами по себе и для меня. Легче было бы всё это обговорить устно.

А я вообще теперь почему-то очень много думаю о своём детстве – может быть, просто время подошло. И прихожу к выводу, что нормального детства у меня и не было, потому что в нём не было главного – материнской

любви. Кто-то из родни рассказывал мне, что мама моя перед смертью очень страдала от того, что оставляет маленького ребёнка на произвол судьбы. А Е.И. уверяла меня, что мама сама поручила меня ей. Может быть, и так. Может быть, Е.И. уговорила маму. Ведь она была заинтересована в том, чтобы стать матерью маленького ребёнка – это её молодило. А ей бы не надо было ничьей матерью становиться, тем более приёмных детей. Да и отцу не нужно было бы заводить детей: не всем ведь это дано – стать хорошими родителями.

Вот сейчас я собираюсь закончить наконец это злосчастное письмо и думаю – почему оно так трудно мне даётся. А вот почему: потому что Вы задали мне непосильно трудный вопрос: что передали мне мои родители (о настоящих сказать нечего, а вот о приёмных оказалось настолько много, что я никак не могу с этим справиться). Пожалуй, главное, на чём я споткнулась, это Екатерина Ивановна. Конечно, революция искалечила судьбу всему поколению, на которое она пришлась, хотя и в разной степени. Сейчас вдруг вспомнился стишок:

Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда:
То вознесёт его высоко,
То бросит в бездну без стыда.

Откуда это – не знаете? Похоже, из какой-то пьесы. Вот с отцом она обошлась ещё милосердно (хотя я знаю о ней слишком мало – может, самого страшного не знаю). Знаю, что он всю жизнь носил клеймо «сына раскулаченного». Из-за этого он не продвигался по службе и в партию его не принимали. Но это ещё куда ни шло – по сравнению с многими другими. Вот хотя бы его младший брат – дядя Митя. Чуть ли не единственный близкий родственник, а мы с его семьёй почти не общались и (я, по крайней мере) ничего о нём не знали. Во время войны его в Москве не было. Тётя Клава, его жена, говорила: «Он на Севере». Что это значит, я не знала, а задавать вопросы меня давно отучили. Но однажды, уже после войны, тётя Клава приехала к нам, и они начали шептаться с Е.И. Я наострила уши и услышала: «Он не хочет возвращаться». Откуда? Тогда я ещё не знала, что у нас людей высылают и на Север, и в Сибирь (как, например, семью Цветаевых), и надолго, и пожизненно. Но через некоторое время дядя Митя вернулся, ещё более молчаливый, если это возможно. Когда мы к ним приезжали, он хлопал меня по плечу и восклицал: «Ну что, Алька?» (Меня в детстве звали Аля). После чего во всё время нашего визита не говорил ни слова. И где он был, и что с ним было, так и не знаю. А вот Е.И. судьба, вероятно, потрепала очень сильно, хотя и об этом я могу только догадываться. В отличие от Мельниковых она

была разговорчива, но «говорила, да не проговаривалась»: рассказывала лишь что-то незначашее и непонятно, где и когда происходившее. И часто у неё не сходились концы с концами. Что ставило под сомнение и весь рассказ. Это и понятно: она, как и отец, была из «бывших», и они тогда старались не раскрывать рта и вообще быть как можно незаметнее: ведь над каждым висел вопрос: «А где вы были до 17-го года?» И часто они переделывали свои биографии до неузнаваемости. Биография Е.И. по анкете была безукоризненной: отец – простой землемер, мать – бывшая крепостная, 15 человек детей – это же нищета! А на самом деле её отец был управляющим имениями богатых помещиков, а значит, не бедствовал. Сама Е.И. была замужем дважды и всё за состоятельными людьми (у родителей её 2-го мужа была вилла в Италии). Был у неё сын, якобы умерший в 12 лет. Но на самом деле он вырос и в Гражданскую войну вместе с отцом ушёл с белой армией (очевидно, с Колчаком) на Дальний Восток, и там его следы затерялись. Сама она якобы служила в Красной армии бухгалтером и даже была премирована каракулевой шубой, но похоже, что это была белая армия.

В молодости она, по словам её родных, была красавицей, до революции вполне обеспеченной, жила с прислугами и кухарками, бывала на балах, где-то её даже выбрали царицей бала, а где-то о ней очень лестно отозвался член царской фамилии. Но революция со всем этим покончила, и она, видимо, заскучала. А тут ещё и возраст стал сказываться. Хотя она всё же была ещё очень эффектна. Думаю, что она резко выделялась среди жён советских служащих, вполне заурядных и малообразованных. У самой Е.И. образования фактически не было: она выскочила замуж неполных 17 лет, наскучив учёбой и мечтая поскорее стать взрослой дамой. Но муж вскоре развёлся с ней. А родившегося сына забрала к себе свекровь, и Е.И. пустилась в свободное плавание. Впоследствии она, видимо, не была стеснена и могла заняться самообразованием: брала уроки музыки и пения, рисовала, даже писала: по её словам, написала книгу «Девочка», видимо, автобиографическую. Наверное, много читала, и у неё был широкий круг знакомств в среде интеллигенции. Себя она тоже считала интеллигенткой. Хотя знания у неё были очень поверхностными, но она была очень уверена в себе, могла поддержать беседу, при случае вернуть французское словечко (хотя языков не знала), щегольнуть умной цитатой, и все были от неё в восторге.

Отец же был из простых, хотя и с высшим образованием. Но умел держать себя в обществе и ухаживать за женщинами, был молод и хорош собой. Он был подчинённым мужа Е.И., и увидев её, был ослеплён – таких женщин он ещё не встречал. Она тоже его заметила. Начался бурный роман,

она бросила мужа, он – жену, и поженились, невзирая на разницу в возрасте: по её словам, на 7 лет, по моим расчётам – и на все 15. Конечно, этот брак не мог быть удачным: она была избалована жизнью, а что он мог дать ей в советское время – молодой специалист с грошовой зарплатой и без всяких перспектив – только положение домашней хозяйки. О работе ей нечего было и думать: тогда, поступая на работу, надо было заполнить огромную анкету, освещавшую всё прошлое человека. Например, сообщить о всех предыдущих браках с указанием теперешних занятий и места жительства бывших мужей жён. К чести Е.И., она приняла новые условия жизни без жалоб, только в первое время всё порывалась завести прислугу. Но все они очень быстро от неё уходили в слезах. Но даже будучи обычной домашней хозяйкой, в затрапезном платье, она выделялась всюду – по осанке и походке (она до старости ходила на каблуках), и на улице вслед ей шипели: «Барыня!» И вдобавок ко всему ей ещё и навязали чужого ребёнка. Отец мне рассказывал, что в детстве (когда, он не уточнял, но это явно было, когда они только что меня взяли и всё вокруг было для меня ещё чужим), я просыпалась ночью и начинала плакать. Тогда он вставал, брал меня на руки и начинал ходить со мной по комнате, укачивая и успокаивая, а потом снова укладывал в постель.

Письмо 2е

Дорогая моя Таисия Владимировна!

Ну, что это такое – никак не могу я с Вами связаться! После нашего последнего разговора я обещала Вам написать (и собиралась!) большое обстоятельное письмо. Но сначала ждала письма от Вас, а его всё не было, потом и настал мой юбилей (совершенно неожиданно!), а после него я почему-то очень ослабела, хотя все хлопоты взяла на себя Юля. Потом получила всё-таки Ваше письмо и сразу же взялась за ответ. Написать было о чём, и написала я много – страниц шесть – и никак не могла остановиться – всё хотелось добавить ещё. А пишу я теперь только от руки за неимением машинки, т.е. она есть, но новая, и я никак не могу её освоить. А так как вся моя жизнь теперь проходит на кровати, то кровать у меня вся завалена разными бумагами, книгами, газетами, так что для меня места уже и не остаётся. И пишу тоже лёжа, а это очень неудобно. А так как почерк у меня стал совсем уж из рук вон, приходится каждую букву вырисовывать, чтобы адресат мог прочитать, так что процесс этот очень медленный. Но это бы ещё с полбеды. Настоящая беда пришла неожиданно. Когда я наконец своё письмо закончила и начала было собирать исписанные листки, то вдруг обнаружила,

что их... нет! Всё время лежали на кровати и я их в своих завалах легко находила – и вот исчезли! Обыскала всю кровать, весь свой крохотный кабинетик – нету! Больше искать негде, и не помню, чтобы я их куда-то убирала. У меня и руки опустились. Писать заново – сил нет. Стала ждать – вдруг где-нибудь обнаружатся. Но так и не нашлись. Прошло много времени, пока я собралась с духом и начала писать заново. Да ведь и забыла, что там было. Конечно, в начале были жалобы на своё теперешнее состояние, когда уже ничего не могу. Ну, это неинтересно, так как у всех стариков одинаково. А, написала о юбилее. Так он подошёл неожиданно – никогда не думала, что доживу до таких лет! Да и как его отмечать? Звать уже некого – всех друзей пережила. Остались только две подруги – Оля и Наташа. Оля мне в дочери годится, но очень больная, приехать не может. Наташа почти моя ровесница, мы с ней вместе в институте учились, тоже очень больная, но ещё ходячая и даже иногда приезжает ко мне, и даже меня стрижёт. Ну, могут приехать Юля с мужем. Их дети, конечно, нет – я для них не существую. Когда работала, были у меня две подруги, дружили семьями – это была родня. Но их уже давно нет, а у их детей своя жизнь, хотя маленькими они все очень меня любили. Один, 4-летний, даже говорил: «Ты моя мама! У меня две мамы!» А сейчас он уже сам дедушка и всё это, конечно, уже забыл. Его племянница, младшая в этой семье, живёт в Америке, уехала туда в 16 лет, кончила там школу, институт, вышла замуж (за русского – их сейчас там полно), у неё двое уже больших детей, прекрасный муж, она не работает – муж достаточно зарабатывает. А когда-то, до самой школы, она проводила лето у меня на даче и называла её «моя родная Щербинка». Вот она меня не забывает, но пишет теперь уже редко, только шлёт фотографии семьи. Один раз она с мужем приезжала ко мне и привезла ноутбук и принтер, но я их так и не сумела освоить. В другой семье родителей тоже давно уже нет, остались два сына, уже пожилые. Старший – священник, причём постригшийся в монаха (оказывается, это можно совмещать). Младший, когда ему было уже за 50, женился на молоденькой, лет на 30 моложе. У них уже двое детей. Я ему позвонила, намекнула на 90-летие. Он, конечно, этого не помнил. Но обещал приехать. И вот собрались: Юля с мужем привезли Олю на машине. Наташа некстати приболела и не приехала. И приехал Шурка (он для меня и сейчас всё Шурка) с женой и сыном. И я – седьмая. Если бы было больше, сажать было бы некуда. Ноя почему-то плохо помню, как всё это происходило, хотя даже что-то рассказывала. И вот я несколько дней приходила в себя. Да, поздравила меня и наша соцслужба – пришли с цветами и подарком и зачем-то меня сфотографировали – для Интернета, так что Вы можете меня там увидеть.

Ещё в пропавшем письме я очень обстоятельно, подробно и убедительно развеяла Ваши сомнения в своей несостоятельности («я – нуль» и тому подобное). Вот это жалко, что пропало (заново я так уже не напишу). Если в двух словах: Вы для нас сделали гораздо больше, чем мы для Вас (хотя бы потому, что нас было трое, а Вы – одна). Это Вы сделали нас пушкинистами – только Вы! Без Вас мы остались бы заурядными любителями, примкнувшими к пушкинистам лишь потому, что это тогда было модно.

Что там ещё было? Да, мне к юбилею подарили книг по Серебряному Веку – их как раз много вышло – все о Цветаевых. Дневники Мура, они же вместе с его письмами, несколько книг А. Цветаевой – всё очень интересно. Очень советую прочитать. Названия уже не помню, хотя они стоят у меня на полке, но достать их я уже сама не могу, надо кого-то просить. И тяжёлую книгу снять с полки тоже уже не могу, Ещё я попыталась ответить на Ваш вопрос – что я унаследовала от своих родителей (в смысле «талантов»). Ответить тут нечего, разве что во внешности. Мне сказали, что мой родной отец был какой-то азиат. Это уж точно: все азиаты легко принимают меня за свою. Как-то я лечилась в санатории в Башкирии, и взбрело мне в голову сказать, что я башкирка и зовут меня Юлдуз. Так вся башкирская обслуга поверила мне мгновенно и разубедить их мне стоило большого труда. А как-то в отпуск я ездила по Енисею, и наша группа решила, что я из северных народностей, и когда я их увидела, то должна была признать, что похожа. Но больше всего меня тронул один случай. В той же поездке я как-то оказалась одна в столовой – то ли ждала свою группу, уже не помню. Сажу за необслуживаемым столом задумавшись, и вдруг кто-то обнимает меня сзади, и нежный девичий голосок говорит удивлённо: «Как вы сюда попали?» Я обернулась – стоит девушка-корейка. Увидев меня, она смутилась и стала извиняться. Но она с такой нежностью меня обняла, что мне стало жаль, что это только ошибка. Я в ней что-то родное почувствовала. А вообще я похожа на бабушку, а она, возможно, и не совсем русская. По крайней мере Екатерина Ивановна (моя приёмная мать) презрительно именовала её «чувашкой». Бабушку в детстве я видела всего дважды – в 4 года и в 8 лет. В первый свой приезд она привезла Е.И. в подарок маленький оловянный сундучок (помещался на ладони). Положить туда можно было разве что заколки или шпильки. Был он пузатенький, на кривых ножках, с выпуклой крышкой, которую украшали две тоже выпуклые розы. Сундучок очаровал меня настолько, что я подняла крик и требовала его себе, но мать и бабушка не дрогнули, и сундучок обосновался на туалетном столике матери. Теперь я думаю: почему бабушка ничего не привезла мне? Ну, хоть какой-нибудь

пустячок, но лично мне? Она вообще держалась со мной холодно, а ведь я была её единственная внучка. М.б. потому что я своим рождением опозорила их семью? Но вот дедушка отнёсся ко мне иначе. Его я видела всего раз в жизни, мне было тогда 10 лет. Он приехал погостить у младшего сына, дяди Мити. Странно – почему не к нам: у нас была двухкомнатная квартира, правда, в Подмосковье, а у дяди Мити всего коммуналка, хотя и в Москве. Мы поехали повидать дедушку в Москву. Он оказался маленьким старичком, молчаливым, как все Мельниковы, с ужасно колючей бородой. Он меня расцеловал, а потом всё время водил в соседнюю булочную и покупал пирожные.

Второй раз бабушка приехала к нам, когда я уже училась в школе. Отец тогда заведовал питомником, выращивавшим всё необходимое для озеленения города, и жили мы в новом просторном доме с мезонином, в котором поселили меня, а потом и бабушку. Однажды ко мне пришли подружки – одноклассницы и стали думать, чем бы заняться. Бабушка посмотрела на них, потом сдёрнула со своей кровати одеяло, постелила его на пол и скомандовала: «Кувыркайтесь!» Я была поражена. Таких вольностей в нашей семье не водилось. И вообще взрослые, по-моему, занимались только всевозможными запретами, а тут бабушка – и вдруг не запрещает, а наоборот, предлагает нарушить порядок! Подружки завизжали и кинулись кувыркаться, а я всё не решалась. Но бабушка сразу стала мне очень близкой. К сожалению, такое больше не повторялось, и она снова стала обычной скучной взрослой. А ведь после смерти матери я наверняка жила какое-то время с ней и говорила ей, по её словам, «я тебя лю-бу-у!» И говорила, конечно, в ответ на её любовь. Куда же эта любовь делась?

Во время войны дедушка умер и бабушка переехала к нам, но жила так, что присутствие её и не ощущалось. Ни во что не вмешивалась, молча делала что-то по дому... Но дважды она меня всё-таки удивила. Мне было тогда 14 лет. Я много читала, увлекалась приключениями, Купером, Майн Ридом. Однажды бабушка увидела у меня Купера и вдруг сказала: «А девочкой я его читала...» Бабушка – такая деревенская, и вдруг Купер? И опять меня потянуло к ней, и опять она замкнулась в себе. А ведь она замечала всё, что делается в семье, запоминала, только виду не подавала. Лишь однажды она позволила себе высказаться, но я, как ни странно, этого не услышала. Нет, услышала, даже запомнила, но не осмыслила!

Но этот случай надо бы пояснить. Я поняла, что мать меня не любит, в 6 лет, а в 8 лет прочитала «Детство» и «Отрочество» Толстого и вдруг увидела, что переживания Николеньки, после смерти матери почувствовавшего равнодушие окружающих, очень похожи на то, что чувствую я. И я решила

поговорить с матерью. И поговорила. Уже не помню, как именно, но высказала всё, что хотела. Могла бы и не высказывать. Она посадила меня себе на колени и, снисходительно улыбаясь моей глупости, разъяснила мне, что всё это мои фантазии, выдумки, ни на чём не основанные, что все меня любят и мне совершенно не на что жаловаться. После этого разговора я решила убежать из дома и деятельно начала к этому готовиться. Я сшила маленькую подушечку, на которой буду спать в дороге. Других приготовлений не помню. Но я понимала, что главное – это иметь деньги. И я их добыла. Я свела знакомство с девочками из близлежащей деревни и предложила им свои игрушки. Их мне дарили регулярно, так как «у детей должны быть игрушки», хотя к игрушкам, особенно к куклам, я была равнодушна, и всё, на что бедняжки могли рассчитывать – это на то, что я вспорю им животы и головы, чтобы посмотреть, что у них внутри. Девочки брали мои игрушки охотно. Цену за них назначали сами, я соглашалась. Вот откуда они брали деньги – не знаю. Но постепенно у меня скопилось 18 рублей. Бежать одной мне не хотелось, и я посвятила в свои планы свою подружку Риту Орлову, дочь отца сослуживца. У них была большущая семья – человек шесть или семь детей, но все жили дружно, и Рита никак не могла понять, зачем бежать. Но согласилась. Я сказала ей, что она тоже должна позаботиться о деньгах на побег. «Ладно, я попрошу у папы», – сказала она. И попросила. «Зачем? – спросил он. Она сказала. Он засмеялся и дал ей рубль. Когда всё было готово, мы тронулись в путь. Наш питомник находился на окраине города, и дорога из него вела через сосновую рощу. Мы были босиком, и сосновые шишки и иголки стали немилосердно колоть нам ноги. Пришлось вернуться. Эти 18 рублей ещё долго хранились у меня в детской сумочке и переезжали с нами с места на место, но мне почему-то никогда не приходило в голову их на что-то потратить.

После неудавшегося побега я стала мечтать, чтобы у меня были другие родители. Этим я не хотела ничего дурного – просто чтобы их не было, а лучше, чтобы вместо них была бы старенькая и больная бабушка (другая, не моя), и мы жили бы с ней вдвоём, в бедности, но в большой любви. Я бы делала для неё всё что нужно, а она говорила бы мне: «Я без тебя как без рук». Я так далеко заходила в своих мечтах, что стала носить ботинки без шнурков – именно так должны были, по-моему, ходить бедные девочки. Но так как это были только мечты, я задумывалась, как бы наладить отношения с этой матерью. И придумала: сделать ей подарок: накопить денег и купить ей шоколадку. И присмотрела очень хорошую – за 90 с чем-то копеек. Но где их взять? Иногда (слишком редко) находила на улице. Утаивала сдачу, когда посылали в магазин. Других источников не было. Пришлось отказаться от

хорошей шоколадки в пользу более дешёвой – за 70 к. На такую скопить удалось. И вот, смутно чувствуя, что делаю глупость, я преподнесла её матери. Она удивилась (а я надеялась, что обрадуется) и спросила, откуда у меня деньги. Я ответила, что накопила. Она явно не знала, как реагировать – ругать вроде не за что, хвалить – тоже. И наконец сказала: «Больше так не делай!» И это – всё!

Но худшее было ещё впереди. При очередном переезде мать обнаружила сумочку с 18 рублями. Последовал допрос. Не помню, что я отвечала, но, конечно, не правду. Деньги она забрала, но, кажется, не ругала.

Я подрастала, и чем старше становилась, тем больше росло моё отчуждение от матери. Уже давно прошло время, когда я стыдилась своей неприязни к ней и винила себя за чёрствость. Теперь я всё больше стала сомневаться в том, она вообще моя мать и выискивала среди своей родни какую-нибудь подходящую для этой роли. Особенно заинтересовала меня первая жена отца, умершая от родов. Я сразу нафантазировала, что её ребёнок выжил, и он – это я. В нашем доме было множество валяющихся в небрежении семейных фотоальбомов и фотографий россыпью, и я их внимательно изучала. Нашла и фотографию этой жены. Очень молоденькая, худенькая, длинноносенькая, но симпатичная – в огромной шляпе по моде тех лет. Но сходства со мной никакого. А главное – всё это происходило лет за десять до моего рождения. У второй жены отца детей вообще не было, хотя она тоже умерла рано. Но всё же что-то неладное тут, именно тут было, что заставляло меня вновь и вновь возвращаться к этой теме. Но при этом я сделала очень важную ошибку: я и мысли не допускала, что и отец мой может оказаться неродным. И ведь случаи разгадать эту загадку мне представлялись – по крайней мере, два, но оба их я бездарно прошляпила. Оба они произошли во время войны, но уже после освобождения Подмосковья от немцев, когда их погнали на запад и жизнь стала налаживаться.

К отцу неожиданно нагрянула целая компания бывших сослуживцев из далёких 30-х годов. Не знаю, где в то время жил и работал отец, но это было время, когда он женился на Е.И. и когда родилась я и умерла моя мать. Я была на улице, когда ко мне подошла женщина из числа приехавших и задала крайне удививший меня вопрос: «А у тебя мама родная?» – «Родная», – ответила я недоумевая. «А папа родной?» – «И папа родной». Больше она ничего не спрашивала и отошла. Мне было тогда уже 14 лет. Казалось бы, ухватиться за эту женщину, засыпать её вопросами – но я только глазами хлопала. И дома никому об этом не рассказала. Отец с матерью не рассказали

бы, а вот бабушка, пожалуй, смогла бы. Тем более, что именно с ней был связан второй случай.

Вскоре после этого я чем-то проштрафилась, и Е.И. в наказание не пустила меня к подружке, а послала на огород полоть грядки, где уже трудилась бабушка. Помню, что была ничуть не расстроена (наверное, такое было в порядке вещей), а принялась за работу рядом с бабушкой. Она, обычно молчаливая, что-то ворчала. Я не прислушивалась, но всё же одну фразу расслышала: «С родной-то так бы не поступили...» Я вовсе не приняла эти слова на свой счёт и не задумалась над ними, но почему-то запомнила их. А потом забыла, и они всплыли в моей памяти только много лет спустя. А вот если бы прислушалась к ним и стала расспрашивать её, она, обиженная за меня, возможно, и не устояла бы.

Е.И., наверное, рассказала бы мне всё и раньше, но, я думаю, ей запрещал отец, так как после его смерти она уже не молчала.

А вот почему я сразу не ухватилась за эти два случая? Узнала бы правду гораздо раньше и очень облегчила бы жизнь и себе, и родителям (например, для получения паспорта надо было предъявить метрику, а в ней были указаны мои настоящие родители). Отец долго хлопотал, чтобы заменить её другой, и паспорт я получила лишь два года спустя.

Так вот, теперь я думаю, что я и мечтала узнать о себе правду, и боялась этого. Что я могла выиграть, узнав её? Родные отец и мать у меня всё равно не появились бы, а правда могла оказаться очень жестокой – в те-то времена. Когда я пошла в школу, мне показали мальчика – сына врага народа. Он был вполне обычный, светленький. Румяный, улыбочивый, разве что сапожки у него были необычные – расписные, жёлтые с голубым. И учительница оказалась с необычной фамилией – Егорова. Это сейчас о нём никто не слышал, а тогда все знали – враг народа. Ну да – однофамилица, но я всё равно ужаснулась – как жить с такой фамилией? А в 1937 году мы жили в подмосковной деревне, и родители по ночам не спали и шептались. Мне было тогда 9 лет, но я тоже не спала и думала: чего они боятся? Хорошо ещё, что я не додумалась до вопроса: а не враги ли они народа? Из этой деревни мы скоро снова переехали – в подмосковный же Наро-Фоминск: там нашлась работа для отца – потому что его предшественник оказался... врагом народа, и мы въехали в его квартиру (казённую), где ещё оставались его жена и сын – тоже самые обычные с виду люди. Всё это могло случиться и с моими родителями – и родными, и приёмными (не потому ли они без конца переезжали с места на место, как бы убегая от какой-то опасности?)

Во время войны мы жили в Алабино. Но скоро переехали и оттуда – в Щербинку так как в Алабине не было 10-летки, а я уже окончила 7-й класс. В Щербинке 10-летки тоже не было, но рядом был Подольск, и я ездила туда на электричке по школьному льготному билету, который выдавали по справке из школы. Один раз я пошла получать эту сезонку в кассу вокзала, получила и уже стала уходить, как вдруг кассир закричал мне вслед: «Девочка, вернись!» И тут меня вдруг охватил такой страх, что я кинулась бежать со всех ног. Чего я так испугалась? Я почему-то сразу поняла, что дело не в сезонке: я потом долго с ней ездила, контролёры меня проверяли и не придирались. Но мне почему-то показалось, что кассир что-то обо мне знает и хочет сказать. Значит, этот страх, который сидел во всех «бывших», прочно сидел и во мне.

Вот теперь я, кажется, это письмо кончила.

Ой, нет, не кончила! Я нашла пропавшее письмо! И совсем в неожиданном месте, чисто случайно. Уже под старость я вдруг стала замечать, что неправильно произношу некоторые слова. Полезла в словарь, убедилась, что это так и есть, стала думать, почему это? Ведь в семье у нас все говорили правильно, даже московские «свекла́» и «твóрог» не употребляли. И стала вспоминать, как они вообще говорили – ведь они оба с Волги, а там, возможно, говорят несколько иначе. (Вот, написала это слово, а его они произносили «и́наче»). Стала вспоминать дальше – какой у них вообще был язык. И оказалось, что и у Е.И., и у А.П. в ходу было множество свойственных только им словечек, сейчас уже и неупотребительных. Я стала их выписывать – Е.И. и А.П. отдельно – в соответствии с их характерами. Больше всех набралось у Е.И., меньше – у А.П. и совсем ничего у бабушки. Я их разложила по коробочкам и вот, вспомнив какое-то выражение отца, положила его в коробочку, а когда открыла её, обнаружила там Ваше письмо! Как оно туда попало, ума не приложу!

Да, совсем забыла! Я же посылаю Вам ещё и своё сочинение – маленький рассказик, но напечатанный на компьютере моей Надей – соработником.

Вот теперь, наконец, всё!

В.М.

[28. 06. 2019]